

Издается по благословению Высокопреосвященнейшего Евлогия, архиепископа Сумского и Ахтырского

Тема номера: **ЖИЗНЬ ХРИСТИАНИНА**

Как стать счастливым?

Счастливыми хотят быть все. Конечно, каждый понимает счастье по-своему, но абсолютно все к нему стремятся. Возникает удивительный парадокс: несмотря на эту устремлённость, счастливых людей практически нет. У любого человека есть что-то, что мешает ему ощущать полноту бытия. Когда мы задаёмся вопросом почему, когда задумываемся о причинах наших невзгод, мы обвиняем в них большей частью внешние обстоятельства: кому-то кажется, что у него мало денег, кто-то считает, что он живёт в стране, где плохое правительство и несовершенные законы. Однако, люди, которые несравнимо богаче нас, и люди, живущие в странах, где, с нашей точки зрения, молочные реки текут в кисельных берегах, тоже бывают несчастны. Осознавая это, мы начинаем понимать, что причина наших неудач заключена не столько во внешних обстоятельствах (хотя и в них тоже), сколько, прежде всего, в нас самих. То, что делает нас несчастными, на языке Церкви называется грехом.

Что такое «грех»? Чаще всего под грехом мы понимаем какой-нибудь дурной поступок, нечистые помыслы. Например, взял чужое – согрешил, солгал – согрешил, рассердился – согрешил. Почему же мы совершаем поступки, которые, точно знаем, делать не следует? Так, мы знаем, что любая ложь в конечном итоге выходит наружу, и, стало быть, лгать нет резона, – но порой не можем удержаться от лжи. Знаем, что не следует осуждать других людей, раздражаться на них; несомненно, лучше жить в приятии мира, чем в конфликте с ним, – но как часто мы досаждем на окру-

жающих, причём, на тех, кого любим, сильнее, чем на остальных. Как будто что-то подталкивает нас к неправильным поступкам, к дурным помыслам. Та сила, которая искажает даже самые благие устремления нашей души, и есть грех.

Сегодня обыденный смысл слова «грех» существенно отличается от его первоначального значения. Христианство возникло и распространилось в среде, где греческий язык был языком международного общения и играл примерно такую же роль, какую сегодня играет английский. Греческое слово, переведённое на славянский, как «грех», буквально означает «огрех, промашка, ошибка, непопадание в цель». Я хочу, чтобы жизнь моя была хорошей и счастливой, – а меня преследуют болезни и неудачи; хочу, чтобы отношения в семье были добрыми, – а вместо этого часто возникают размолвки и ссоры; хочу, чтобы дети мои выросли умными, здоровыми и послушными, – а они не оправдывают ожиданий. Промаш состоит в том, что порой мы ставим перед собой ложные цели и тратим массу времени и сил на их достижение, и даже, поставив цели истинные, зачастую, по разным причинам, «не попадаем» в них. Всё это и называется грехом – промахом наших устремлений, в том числе и самых благих. Апостол Павел так говорит о грехе: *«Не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех... Добро, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если*

же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех» (Рим. 7:15-23).

Грех – это болезнь, с которой мы появляемся на свет и которую, как другие наши черты – цвет глаз, волос, – наследуем от родителей. Болезнью греха больны все – и взрослые, и дети. Казалось бы, какие грехи у младенца, ведь он ещё не совершает поступков, требующих выбора? Но состояние огреха, промаха, с которым он родился, приводит к тому, что, подрастая и делая выбор, ребенок начинает ошибаться, творить зло для себя и своих ближних, часто не желая этого. Именно это и имеется в виду, когда говорится о первородном грехе – передаваемом по наследству повреждённом состоянии человеческой природы. На библейском символическом языке представление о наследовании склонности ко греху воплощается в образах прародителей Адама и Евы, передавших своему потомству повреждённую грехом человеческую природу (заметим, что Адам – имя всей человеческой природы, человек вообще, а Ева буквально означает «дающая жизнь»).

Примечательно, что противоположностью греха является блаженство, которого, собственно, и должен достигнуть человек. В библейском понимании смысл этого слова отличается от того, что мы обычно в него вкладываем. Выражения «блаженствовать», «быть наверху блаженства» предполагают некое воспарение над невзгодами и трудностями. Между тем, в Библии блаженство сопряжено с переживанием правильности выбранного пути, с ощущением жизненной гармонии, позволяющим преодолевать неизбежные невзгоды и трудности, с переживанием осмысленности прошлого, настоящего и будущего, уверенности в осуществлении своих целей, и главное, – с ощущением способности идти выбранным путем.

Если грех сравним с болезнью человеческой природы, то Церковь можно уподобить больнице, божественной лечебнице, помогающей противостоять болезни греха и дарующей нам исцеляющее блаженство. Естественно, что обращение за помощью к Церкви – дело добровольное. Подобно тому, как мы обращаемся к врачу, когда чувствуем себя больными, так и в Церковь мы приходим, когда начинаем видеть свои промахи и осознавать, что самостоятельно нам с ними не справиться. Впрочем, случается, человек начинает ходить в Церковь, пы-

таясь заполнить пустоту в своей душе, и только тогда ему приоткрываются собственные грехи. Именно Церковь дарует нам «лекарство», помогающее преодолевать огрех человеческого естества. Этим лекарством является таинство Причастия.

Тайная Вечера

Согласно евангельскому повествованию, накануне ветхозаветного праздника Пасхи Иисус Христос вошёл в Иерусалим, где совершил со Своими учениками пасхальную трапезу – Тайную Вечерю. Вечеря – по-славянски «ужин», а Тайной она именуется не только потому, что совершалась втайне от иудейского синедриона, но ещё и потому, что на ней было установлено главное таинство христианской Церкви – таинство Причастия.

В библейской Книге Исход повествуется, как пророк Моисей вывел из земли египетской находящийся в рабстве еврейский народ. Фараон не желал отпускать порабощённых иудеев, несмотря на бедствия («казни»), обрушившиеся на страну. Лишь после десятой казни, – когда в Египте погибли все первенцы, кроме еврейских, которых Ангел Господень пощадил, видя на дверях их домов условленный знак, начертанный кровью агнца, – фараон позволил евреям уйти из земли египетской. Позднее, на горе Синай, Бог заключил с народом израильским Свой Завет. В честь избавления от египетского рабства был установлен ветхозаветный праздник Пасхи, во время которого иудеи приносили в жертву агнца, ибо его кровью были искуплены еврейские первенцы. Агнец вкушался с горькими травами, символизировавшими горечь египетского рабства, и с опресноками – пресным хлебом, напоминавшим о поспешных сборах, когда не было времени взять с собой закваску для теста.

В конце Тайной Вечери Христос, сотворив молитву над хлебом, сказал Своим ученикам: *«Примите, ядите: сие есть Тело Мое (Мф.26:26; ср.: Мк.14:22; Лк.20:19; 1Кор. 11:23-24);* затем, вознеся молитву над чашей с вином, Он подал её апостолам со словами: *«Пейте из неё все; ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф.26:27-28; ср.: Мк.14: 23-24; Лк.22:20; 1Кор. 11:25).* Почему Христос называет хлеб Своим Телом, а вино – Своей Кровью? Дело в том, что в евангельском контексте эти слова имеют смысл, отличный от привычного нам сегодня. Для нас тело – это плоть, по-гречески же (а

Евангелие первоначально было написано на греческом языке) слово «тело» означает всю полноту, как Бога, так и человека. И по-гречески, и по-славянски можно сказать, что Бог телесен, ибо Он целостен. Христос говорит с учениками, конечно, не на этих языках, а на арамейском, но и здесь слово «тело» заменяло личное местоимение «Я». Когда, указывая на хлеб, Христос сказал: «Это Тело Моё», апостолы поняли, что Он имеет в виду не Свою плоть, но всю Свою полноту, целостность Своего Божества, присутствующую в этом хлебе: «Это Я Сам, Своей полнотой, Своей целостностью, присутствую здесь».

«Кровь» в контексте библейской ветхозаветной традиции – синоним слова «душа», «жизнь». В древности считалось, что душа живого существа заключена в его крови, ведь когда вытекает кровь, уходит жизнь, уходит душа. Согласно ветхозаветному закону, вкушение крови приравнивалось к посягательству на душу. Мясо животных можно было есть, но прежде необходимо излить кровь, то есть выпустить душу, и только после этого вкушать уже очищенную, «обездушенную» пищу. Когда Христос Своим ученикам, воспитанным в ветхозаветном иудейском законе, указывая на чашу с вином, сказал: «Это есть Кровь Моя», то им было ясно, что в этом вине Его душа, Его жизнь. Повелевая вкушать Свои Тело и Кровь, Господь заповедует ученикам хранить с Ним единство.

Таинство Причастия

Начиная с Тайной Вечери, вкушение Тела и Крови Христовых совершается на каждой службе, которая называется Литургией. Литургия – это повторение, а точнее, продолжение Тайной Вечери. Смысл её состоит в том, что священник от лица всех верующих полагает хлеб и вино в алтаре на престол, и все вместе молятся о том, чтобы Господь соединился с этими хлебом и вином, соделав хлеб Телом Своим, а вино – Кровью Своей. Преграда пространства и времени, отделяющая нас от Сионской горницы, где совершилась Тайная Вечеря, истончается, с одной стороны, благодатью Божией, с другой – нашей верой, нашей молитвенной устремлённостью к Богу. Каждый раз мы причащаемся той самой трапезы Иисуса Христа с учениками, вкушаем тот самый Хлеб Нетления, который уготован верным в конце времён – в мире будущего века,

где «*времени уже не будет*» (Откр.10:6). Когда мы вкушаем Хлеб и Вино, и они становятся нашим телом (как нашим телом становится любая пища), то мы соединяемся с Богом, а через это – и с Церковью. Таким образом, Бог, воплотившийся в Человеке Иисусе, в известном смысле продолжает Своё воплощение в телах членов Церкви. Именно это действие Бога в людях и чрез людей и называется Церковью. Церковь – это не просто храм; на протяжении первых трёх столетий, в эпоху гонений на христианство, храмов практически не было, а Церковь – была, и не случайно существует пословица «храм не в брёвнах, а в рёбрах». Церковь – это и не просто собрание людей, объединённых общей верой; иначе она не отличалась бы принципиально от политической партии. Церковь – это то действие Бога в нас, которому мы становимся со-причастны в таинстве Причастия.

Тело Христово, преподаваемое верующим в таинстве Причастия, сочетает в себе свойство делимости, присущее природе хлеба – тварной природе, и свойство неделимости, присущее Божеству. Поэтому, разделяясь, Тело Христово остаётся неделимым, так что в каждой самой маленькой частице оно находится всё целиком. Причастие соделывает нас частью тела Церкви, соединяет нас в одно целое, в одно тело. Через причастие мы, по словам апостола Павла, становимся «со-телесниками» Христу – Сыну Божию, ставшему в воплощении сотелесником, то есть со-тельным, со-цельным человеком (Еф.3:6). Как говорили святые отцы, Церковь есть «непрестанно продолжающееся и ширящееся воплощение Господа».

По толкованию преподобного Максима Исповедника, одного из величайших византийских богословов, Церковь, созидаемая из душ своих чад, есть образ самого Бога. Подобно тому, как Бог объединяет всё сущее, соединяя его с Собою, так и члены Церкви, соединяясь со Христом, составляют Его Тело; их души и сердца сливаются в одну душу и одно сердце, разногласия же преодолеваются братской любовью.

Человек, принадлежащий к телу Церкви, становится «проводником», сквозь который Бог ниспосылает Свою благодать в этот мир. Причастие же потому и называется причастием, что соделывает нас частью Церкви.

Покаяние и исповедь

Впрочем, причастие – лекарство особого рода. Медицинские лекарства действуют на наш организм почти не зависимо от нашей воли, от состояния нашего сердца. Но то, каким будет для нас таинство Причастия, зависит, в первую очередь, от нас самих. Из Библии мы знаем, что на Тайной Вечере с другими апостолами причастился и Иуда. Но, как сказано в Евангелии от Иоанна, *«после сего куска вошел в него сатана»* (Ин.13:27). Почему же то, что для остальных апостолов было благом, для Иуды обернулось злом? Дело в том, что Иуда причастился, уже задумав зло – вознамерившись предать Христа. Он был наполнен тьмой греха, и потому для него соединение с Богом, который есть Свет, уничтожающий мрак, стало разрушительным. Чтобы Причастие не оказалось столь же разрушительным для нас, как для Иуды, мы, прежде Причастия, должны постараться переменить своё состояние – покаяться.

Сейчас обычно считается, что покаяние – это рассказ о соделанном, сокрушение по поводу своих грехов. Но могут ли просто слова что-то изменить в человеке? Порой мы слышим: «Нужно грешить – и каяться, грешить – и каяться». На самом деле, покаяться – значит не просто пожалеть о сотворённом, но измениться настолько, чтобы стать уже неспособным вернуться к прежнему. Только такая глубокая, сущностная перемена и есть покаяние в подлинном смысле слова.

Достичь подобной перемены чрезвычайно сложно. Те, кто пытался начать новую жизнь, знают, как быстро возвращается она в прежнее русло. Дело в том первородном грехе, который живёт в нас и искажает наши устремления. Обрести подлинное покаяние, истинную перемену, помогает таинство исповеди.

Смысл исповеди заключается в том, что в храме, пред лицом Божиим человек пытается глубже осознать грехи, которые он способен в себе заметить и с которыми самостоятельно справиться не может. Он просит о том, чтобы Господь помог ему. Но, к сожалению, мы склонны себя обманывать и часто, думая, что обращаемся к Богу, на деле обращаемся к удобному для нас образу, который сами же и создаем, – к тому, кто словно бы говорит нам: «Ну, не расстраивайся, другие и хуже делают; в конце концов, это обычные человеческие слабости, ничего страшного, потом как-ни-

будь всё уладится». Чтобы предостеречь человека от ложного образа Бога, в церковной традиции укоренилась практика исповедоваться в присутствии свидетеля – священника, удостоверяющего искренность и глубину нашего покаяния. После исповеди священник читает над кающимся разрешительную молитву, которая освобождает человека от его греха. Но освобождает не в том смысле, что бывшее делает не бывшим, а в том, что «прерывает» связь между человеком и той силой, что искажала путь его жизни. В причастии же нам даруется новая сила, способная помочь изменить наш жизненный путь. Но вот как мы распорядимся этим даром, зависит от нас самих. Мы можем обратить его себе во благо – если будем стараться противостоять греху, бороться с ним, но можем – и во зло, если, подобно Иуде, не переменимся.

Пост

Чтобы правильно воспринять дар, вверяемый нам в таинстве Причастия, и правильно им распорядиться, мы должны подготовиться. Помогает нам в этом то, что на языке церкви именуется постом. Сегодня пост зачастую воспринимается как отказ от определённой пищи, мясной и молочной, – но это просто диета. Пост есть охранение души от всего отдаляющего нас от Бога: от пустых разговоров и ненужной суеты, от раздражения и осуждения, от излишней и тяжёлой пищи, обременяющей тело и связанную с телом душу, – от всего того, что недостойно звания человека, сотворённого по образу и подобию Божию.

Таким образом, если мы хотим, чтобы Причастие было нам во благо, мы обязательно должны к нему готовиться – постом, исповедью, молитвой. И подобно тому, как медицинское лекарство, чтобы оно подействовало, следует употреблять регулярно, так регулярно следует и причащаться. Это нужно не Богу, не священникам, но, прежде всего, нам самим, ибо кто, как не мы сами, заинтересованы в исправлении своего жизненного пути, в устранении греха, промаха. Причастие является для нас не только лекарством, но и духовной пищей, которая дарует силы нашей душе, дабы она смогла возрасти, как писал апостол Павел, *«в меру полного возраста Христова»* (Еф. 4:13).

*Протоиерей Кирилл Копейкин
кандидат физико-математических наук,
кандидат богословия, доцент.*